

Материалы юбилейной
XVI Международной конференции
научной Школы-Семинара имени Л. М. Скредлиной

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК

СКИФИЯ
Санкт-Петербург
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК

Материалы
юбилейной XVI международной конференции
научной Школы-Семинара имени Л. М. Скредлиной

Санкт-Петербург, 25-27 сентября 2013 г.

СКИФИЯ
Санкт-Петербург
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ	3
Бейн Е. И. Модальные наречия во французском языке (опыт психосистематического анализа).....	3
Боровикова Н. В. Словообразование на базе имен собственных-антропонимов во французском языке.....	7
Бурчинский В. Н. Способы ограничения объема понятия в современном французском языке.....	12
Гагарина Л. С. О роли имперфекта в формировании темпоральных отношений в вертикальном контексте речи.....	18
Дорогайкина Е. М. Теория номинации: история и современность.....	21
Ibrahim A. H. Le fonctionnement des langues: paradigme du vivant?.....	27
Piński K. Les deux fonctions de la préposition française.....	29
Кузичев С. А. Параметры описания сказуемого в старофранцузском языке.....	33
Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст в аспекте интеракции.....	38
Меликова И. Э. Статус наречия в теории психосистематики.....	43
Овчинникова Г. В. Особенности словопроизводства флоронимов с позиций психосистематики во французском языке (диахронный аспект).....	47
Пиотровская Л. А. Категория определенности-неопределенности и когнитивные доминанты (на материале славянских языков).....	48

Рянская Э. М., Федорова Р. В. Когнитивные основы категории перспективности.....	54
Salgado Ramírez A. A. Apuntes hacia una nueva definición conceptual de discurso.....	58
Серебренникова Е. Ф. Когерентность формы и содержания: фактор аттрактивности в высказывании.....	61
Смирнова Р. Ф. Эксплицитное <i>ne</i> во французском отрицании <i>ne... pas</i>	66
Soutet O. Guillaume et Descartes.....	73
Становая Л. А. От слова-предложения к слову, или: о развитии аналитизма французского языка.....	76
Тванба Т. А. Роль оценочных операций в концептуализации предмета медийного критического дискурса.....	82
Тразанова Н. Ю. Паремология как социальный код лингвокультуры.....	87
Турбина О. А. Языковое сознание как объект лингвистической науки.....	92
Яковлева Е. В. Механизм инцидентности – ключ к пониманию типа референции.....	97

ВОПРОСЫ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ..... 102

Алексеева Е. А., Махинова О. А. Морфологические свойства репрезентантов признака во французском языке.....	102
Аристова В. Н. Инвективная лексика как средство формирования образа человека в произведении Л.-Ф. Селина « <i>Voyage au bout de la nuit</i> ».....	107
Ащенкова Г. А. Антропоним как средство номинации продукта в коммуникативной сфере потребления (на материале французского языка).....	112

Багдинова В. А. Реализация значений глаголов передвижения (на материале французского языка)	117
Ванчикова Е. А. Французское предложение в функциональном аспекте	119
Васильева Е. Г. Королевский антропонимикон (на примере династии Капетингов).....	124
Викулова Л. Г. Авторская стратегия самопрезентации во французском письменном издательском дискурсе XVI-XVII веков.....	130
Воробей М. С. Диграф <i>oi</i> — рефлекс латинского <i>ē</i> в открытом ударном слоге как особенность центрально-французских скрипт	135
Вяткина А. А. Проблема читабельности французского медийного текста для детей.....	139
Герасимова С. А. Методическая записка к учебному изданию как жанр учебно-дидактического дискурса	145
Горбатовская О. Е. Нумеральное и индивидуализирующее значение неопределенного артикля на материале <i>Песни о Роланде</i>	149
Дубнякова О. А. <i>La nomination dans le roman Le boulevard périphérique</i> d'Henry Bauchau	154
Егорова О. С. Актуальное членение как важнейший фактор коммуникативно-синтаксической организации предложения и средства его выражения во французском языке	160
Загрязкина Т. Ю. Границы и центры в пространстве культуры ..	163
Зайцева Н. Ю. Типовые фреймы перевода и своеобразие романских терминологических словосочетаний	168
Иванова Н. В. К вопросу о проявлениях разговорного языка в «Чудесах Богоматери» Гонсало де Берсео.....	173

Ивлиева Е. А. Об особенностях синтаксического способа компьютерного терминообразования в испанском языке.....	176
Игнатъева Т. Г. Антропонимическая парадигма диахронического художественного текста	180
Ильина Т. П. Дискурс и диахрония: возможен ли их союз?	185
Камнева И. В. Ситуативная референциальная опора как основа при интерпретации уступительного высказывания, маркируемого консессивом <i>quand même</i>	188
Кожетева А. С. Использование семиометрического анализа при определении сферы действия дипломатического дискурса.....	193
Корди Е. Е. Глаголы стандартного положения в пространстве во французском языке	196
Кочубей А. В. Неравносложные существительные <i>abe(t), cite(e), povrete(t), poeste(t)</i> в старофранцузском языке.....	197
Круговец В. С. Превосходная степень в статьях музыкальной направленности.....	202
Кузнецов В. Г. Источники имплицитно мотивированных знаков французского языка	207
Кулагина О. А. Языковое портретирование «чужого» в текстах среднефранцузского периода (XIV-XV вв.).....	212
Лукина А. Е. Понятия «вариативность», «вариантность» и «диасистема» в исследованиях по истории французского языка	218
Маркова Е. И. Просветительская роль врачей Средневековья и их рукописные труды	223
Мильковская Р. М. Употребление указательных местоимений в лотарингских хартиях XIII века	228

Михайлова Е. Н., Колтунова С. К. Структура примера при описании категории падежа (на материале испанских грамматик Золотого века).....	234
Михайлова С. В. Лингвокультурема <i>salon</i> : аксиологический аспект исследования.....	239
Носова Л. Н. Стратегии и тактики французского фармацевтического дискурса.....	243
Погодаева С. А. Грамматическое время во французском туристическом дискурсе	248
Понятина Т. П. Дискурсивные слова и смысл текста.....	253
Ткачева Т. А. Словарь Филиппа де Коммина: отражение языка эпохи и языковой личности	258
Фофин А. И. Антропоцентричность как принцип интерпретации живописного произведения (на материале текстов о «библейском» творчестве Марка Шагала)	263
Шерхонова Е. С. Цветообозначения как способ познания цветовой картины мира в старофранцузском тексте.....	267
Щербакова А. В. Аспектуальная характеристика пассивной конструкции во французском языке	272

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
И ДРУГИХ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Васильева Т. И. Развитие личностного потенциала в процессе изучения французского языка	279
Глухова Ю. Н. <i>Avantages et inconvénients du support audiovisuel en classe de langue</i>	282

Головчанская И. И. Фоностилистический компонент профессиональной компетентности учителя иностранного языка.....	289
Кашпур Е. В. Вырастить полиглота (акмеологический аспект мультилингвизма)	293
Лосева Н. В. Некоторые аспекты использования теории интерязыка в методике преподавания иностранных языков.....	296
Максименко И. И. Место грамматики на уроках французского языка как иностранного	301
Метельская Л. Н. Проблемы формирования иноязычной картины мира в процессе обучения французскому языку в МГИМО	304
Полякова Н. В. Использование метода веб-квест в процессе обучения французскому языку	309
Хохлова Н. П. Образовательная ситуация как фактор развития познавательной активности	313
Шарикова Г. В. Эволюция методов преподавания французского как иностранного.....	315
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	323

Littérature

- 1) Depecker L. Comprendre Saussure. — Paris, Colin, 2009.
- 2) Guillaume G. Prolégomènes à la linguistique structurale I. / éd. R. Valin. — Québec, P.U. Laval, 2003.
- 3) Guillaume G. Prolégomènes à la linguistique structurale II. / éd. R. Valin. — Québec, P. U. Laval, 2004.
- 4) Jacob A. Du cogito à l'instant du loquor // Degrés. 2010. — P. 143-144.
- 5) Soutet O. Structure bitensive de l'idéogénèse de que: soubassements théoriques et implications sémantico-syntaxiques // Cahiers de linguistique analogique. 2005. №2. — P. 275-294.

Л. А. Становая (Санкт-Петербург)

ОТ СЛОВА-ПРЕДЛОЖЕНИЯ К СЛОВУ, ИЛИ: О РАЗВИТИИ АНАЛИТИЗМА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Selon la théorie de glossogénie proposée par G. Guillaume, la formation et l'évolution des langues indo-européennes s'effectuaient à la base de deux opérations mentales, ou psychiques: 1) celle de l'analyse (mouvement descendant), au cours duquel le discours était divisé successivement en phrases, éléments formateurs, mots-phrases, mots; et 2) celle du syntèse (mouvement ascendant), au cours duquel des éléments formateurs se réunissaient pour la formation du mot. Le mouvement descendant (mots-phrases → mots → éléments formateurs) a conditionné le développement de l'analytisme des langues indo-européennes, par exemple, au cours de l'évolution du latin, de la formation et de l'évolution des langues romanes.

Л. М. Скредина [Скредина 2009: 91-158], представляя теорию глоттогенеза (*glossogénie*) Г. Гийома, уделяет особое внимание, во-первых, познавательной работе мысли, которая лежит в основе построения языка, а во-вторых, выделению и рассмотрению пространственно-временных ареалов (*aire spatio-temporelle*), которые устанавливаются по языковой единице, создание которой проходит в виде складывающихся психических операций.

Все три выделенных Г. Гийомом пространственно-временных ареалов — начальный (ареал I), срединный (ареал II) и конечный (ареал III) — и их языковые единицы — слово-предложение (ареал I), срединное слово (ареал II) и слово (ареал III) — последовательно входят один в другой, и эти пройденные состояния вхождения начального ареала в срединный, а затем в конечный «записаны» в построенном языке: «языки, которые прошли путь формирова-

ния своей единицы от первого ареала к третьему (ареалу слова), сохраняют следы промежуточных структур» [Скредина 2009: 114].

Особое внимание Л. М. Скредина обращает на слово-предложение (*mot-phrase*) как языковую единицу начального ареала, на базе которого формируется первичное слово, когда из слова-предложения постепенно вычлняются форманты, которые образуют лексическое (или псевдолексическое) слово. Слово-предложение определяется как цельнофразовое образование, которое «могло быть и длинным, и коротким, одновременно и единицей моментально созданной, временной, и единицей длительного хранения, т. е. относящейся как к акту выражения, так и к акту представления» [Скредина 2009: 101].

Л. М. Скредина подчеркивает, что то или иное развитие языка, а соответственно и его структуры, связано с дальнейшим развитием слова-предложения: если «язык идет по линии изменения механизма предложения-слова и превращения предложения-слова в слово-глагол», то тогда в качестве «составных элементов языка, его вокабул» будут выступать слова, подразделяемые на имена и глаголы; если «язык идет по линии сохранения механизма предложения-слова, достигая «очищения» этого образования от всего частного и закрепляя в нем собственно механизм конструирования, т. е. реляционную схему», то тогда в качестве его вокабул будут выступать предложения-слова и слова-имена [Скредина 2009: 123].

Особенностью теории глоттогенеза, разработанной Г. Гийомом, является анализ мыслительных операций, лежащих в основе речезыковой деятельности в процессе глоттогенеза и праксеогенеза (*praxéogénie*), т. е. использования языка в речевом акте для построения и восприятия речи. Выделяются мыслительные операции восходящего и нисходящего движений, или кинетизмов: нисходящее движение направлено от широкого к узкому, от целого к части, это операция анализа, расчленения целого на составные элементы; восходящее движение направлено от узкого к широкому, от части к целому, это операция синтеза, соединения составных элементов в целое. Важно отметить, что эти операции нисходящего и восходящего движений различны в зависимости от оперативного времени внутри глоттогенеза или внутри праксеогенеза. Л. М. Скредина отображает различие направления движения и последовательности мыслительных операций в праксеогенезе и глоттогенезе следующим образом [Скредина 2009: 105]:

Рис. 1

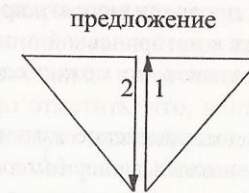

Рис. 2

числе современных, можно встретить построения, сходные со словом-предложением.

Так, Л. М. Скредина приводит пример латинского языка: *Petrus venit* — *Петр приходит*, где словом-предложением «выступает *venit*, а *Petrus* вынесено за его пределы и повторено в нем глагольным окончанием *-(i)t*, которое отсылает к номинативу *Petrus* <...> Здесь глагол имеет следующий морфологический состав: *предикат + 3-е лицо + субъект*, т. е. глагол инцидентен сам себе, заключая в самом себе грамматическое лицо, с которым соотносено лексическое значение (предикатом выступает *ven-*, субъектом — *(i)t*)» [Скредина 2009: 119].

Заметим, что все то же самое можно сказать и о русском языке, где словом-предложением будет *приходит*, а субъект действия (*Петр*) выражен глагольным окончанием *-ит*, которое отсылает к номинативу.

В современном французском языке, замечает Л. М. Скредина, глагол несет в себе только предикатную функцию и поэтому нуждается в опоре в виде существительного или местоимения. В латинском языке глагол мог употребляться в речи без дополнительной опоры, поскольку содержал в себе само грамматическое лицо и в случае добавления имени (в приведенном примере — *Petrus*) получается грамматическая избыточность, повторение субъектной функции, которая оказывается дважды выраженной — в глаголе и в имени. Таким образом, заключает Л. М. Скредина, в процессе эволюции от латинского к французскому происходит «освобождение латинского глагола от субъектной функции <...> это изменение механизма образования глагола свидетельствует о том, что глагол потерял свойство быть предложением-словом и стал словом с единственной внешней инцидентностью, т. е. глаголом в собственном смысле» [Скредина 2009: 120].

Итак, пока личная глагольная форма включает в себе грамму лица, глагол сохраняет и возможность быть словом-предложением — так происходит, например, в латинском, русском, ряде романских языков. Когда личная глагольная форма более не выражает лицо, глаголу необходима дополнительная опора. Так происходит в современном французском языке, где внешней дополнительной опорой глагола являются отдельные слова: либо имена как субъекты действия, либо приглагольные личные местоимения, вынесенные в препозицию, а потому называемые обычно препозитивной флексией, т. е. морфемой, функционально эквивалентной постпозитивной глагольной флексии синтетического слова.

Получается, что для того, чтобы глагол перестал быть словом-предложением и стал словом-глаголом, необходимо вычленить или выделить грамматический формант, выражающий логическое лицо, и вынести его за пределы синтетической формы. Именно этот процесс мы и наблюдаем, анализируя проходящие в системе глагола изменения.

Тот же процесс выделения форманта логического лица происходит в системе имени, получающем свою препозитивную отделяемую морфему — артикль. Следует отметить, что логическое лицо, определяемое для существительного как кардинальное, сохраняется в имени как имплицитное, являясь опорой инцидентности, или соотносительности, с вкладом, или значением, но становится эксплицитным при переходе имени из языка в речь. При этом, как замечает Л. М. Скредина, «в диахронической перспективе такое развитие свидетельствует о высвобождении лица из корпуса имени, подобно тому высвобождению, которое наблюдается в глаголе относительно порядковых лиц» [Скредина 2009: 311].

Столь важная роль логического лица в глоттогенезе и праксеогенезе обусловлена двумя важными факторами: 1) логическое лицо служит основой инцидентности при формировании слова как единицы языка; 2) логическое лицо служит основой предикации при формировании предложений как единиц речи, связывая предикат с субъектом, подлежащее со сказуемым.

Таким образом, окончательное разделение слова-предложения на слова-глаголы и слова-имена представляет собой «высвобождение лица» из имени и глагола, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что слово-предложение завершает свое существование, а вместе с ним завершается и этот этап глоттогенеза. Учитывая, что во французском языке употребление местоимений при глаголе и артикля при имени является нормативным с XVII-XVIII вв., можно полагать, что такой языковой единицы, как слово-предложение, во французском языке уже нет. Напротив, в других романских языках (итальянском, испанском, португальском, окситанском и др.) этап расчленения слова-предложения еще окончательно не завершен, так как, например, безличное местоимение обычно опускается, а личное приглагольное местоимение регулярно употребляется только при необходимости избежать двусмысленности, для подчеркивания лица и др. (об употреблении/неупотреблении местоимений в романских языках см., например: Hinzelin, Kaiser 2012).

Литература

- 1) Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М.: Высшая школа, 2009. — 367 с.
- 2) Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. — М., 2001 (2005; 2013).
- 3) Hinzelin M.-O., Kaiser G. A. Le paramètre du sujet nul dans les variétés dialectales de l'occitan et du francoprovençal // M. Barra-Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet & T. Scheer (eds). Études de linguistique gallo-romane. — P.: Presses Universitaires de Vincennes, 2012. — P. 247-260.
- 4) Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941-1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. P. sous la dir. de R. Lowe. — Québec: Les PUL, Volume 17, 2005. — 495 p.

ражение Г. Гийома), стоит между речью и сознанием, преломляя и претворяя в своей структуре окружающий мир и тем самым объясняя его природу. К примеру, базовые понятия психосистематики — *инцидентное объективное логическое лицо* — позволили Г. Гийому блестяще показать, что весь осознаваемый окружающий мир предстает в языковом сознании в форме объективного логического лица, репрезентирующегося в системе языка через 3-е лицо, опора на которое определяет частеречную категоризацию, потенциал единицы языка и возможности ее речевой актуализации. Более того, Г. Гийом прямо указывал на то, что природа языковых явлений определяется первичными *интуитивными* (= бессознательными) *механизмами*, и потому именно система языка хранит наши знания о мире: «Великие законы представления, — писал Г. Гийом по этому поводу, — давние нам такие науки, как геометрия, механика и математика, действовали прежде всего в языке, и что если бы они не начали действовать прежде всего в языке <...>, они не стали бы действовать нигде» [Гийом 1992: 148]. Следовательно, без глубокого знания (= понимания) системы языка невозможно ни понимание того, что происходит в речи, ни тем более того, как организовано языковое сознание.

3. Реально ли посредством ассоциативного эксперимента, одного из основных методов психолингвистики, направленных на изучение языкового сознания, описать его структуру? Его суть сводится к тому, что испытуемые с помощью слов языка демонстрируют свою ассоциативную реакцию на предъявляемую им лексику, а исследователь на основе результатов эксперимента создает ассоциативный тезаурус, которому предписывается роль модели языкового сознания носителей данного языка. Однако он не может быть моделью языкового сознания носителей данного языка по ряду причин. Во-первых, ассоциативный тезаурус соотносится лишь с отдельной областью языкового сознания, а именно — с семантическим пространством, или с понятийной субстанцией, но никак не затрагивает структурный аспект — грамматическую систему, а ведь именно в ней отвлеченным способом (формативы, модели, парадигмы) запечатлена действительная категоризация представлений о мире. Во-вторых, и это принципиально более важно, ассоциативный эксперимент выявляет прежде всего социокультурные ценности, зачастую имеющие поверхностный и ограниченный (привязанный к определенной социальной группе) характер, в силу чего они очень быстро изменяются, не затрагивая систему языка и не оставляя в ней следов. В истории любого языка есть масса тому примеров. Следовательно, изучение языкового сознания — путь высокой степени теоретический, хотя и не исключает использования экспериментальных методик и непосредственных наблюдений за речезыковой деятельностью. Объективность результатов на этом пути может определяться только при условии верности идее системности человеческого духовного бытия, чтобы наше

суждение не привело нас к заключению, что «сознание человека — это некое интерпсихическое, существующее вне индивида в форме знаков и значений» [Уфимцева 2011: 110].

Литература

- Гийом Г. Психолингвистика. — М., 2004. — 227 с.
Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992. — 224 с.
Скредина Л. М. Послесловие к первому переводу книги Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики». — М., 1992. — С.168-200.
Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. — М., 2011. — 251 с.
Kant I. Kant's Werke. Kant's gesammelte Schriften. Bd. I-V. — Berlin, 1904.

Е. В. Яковлева (Санкт-Петербург)

МЕХАНИЗМ ИНЦИДЕНЦИИ — КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ТИПА РЕФЕРЕНЦИИ

En el presente artículo demostramos el poder explicativo de la teoría de la incidencia (uno de los elementos más importantes de la teoría de G. Guillaume) para explicar las bases lingüísticas de tipos de referencia.

В широком смысле под термином «референция» понимается соотношение актуализированных единиц с объектами реальной действительности [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 144], хотя отмечается наличие и других, более «узких» толкований этого термина (см., например: Аналитическая философия 2004: 10-12). В любом случае референция понимается как явление, формирующееся в ходе построения предложения или высказывания. Между тем для осуществления референции необходимым условием является наличие, с одной стороны, языкового «строительного материала», способного соответствовать целям высказывания, а с другой — адекватно функционирующего механизма для сведения виртуального языкового потенциала слова к одному единственному результату, соответствующему замыслу говорящего лица и общей коммуникативной ситуации. Иными словами, референция, являющаяся речевым феноменом, безусловно, имеет языковую основу, некоторую систему потенциалов, заложенных в системе языка. Поскольку эта языковая основа не дана нам в непосредственном наблюдении, лишь теоретические гипотезы, которые подтверждаются наблюдениями над речевыми процессами, способны дать ответ на вопрос о строении языковых основ референции.

даря способности имени существительного по-разному ориентировать фокусировку опоры при помощи экстенсии. Таким образом, имя существительное служит для формирования подвидов дескриптивной референции, которые всегда ориентированы на понятийное содержание [Шмелёв 2002: 31].

Специалисты по психосистематике различают внешнюю инцидентность 1-й и 2-й степени. Прилагательное обладает внешней инцидентностью 1-й степени, оно относится к тому, что находится за его пределами, как бы находится в постоянном поиске опоры. Прилагательное, равно как и существительное, обладает определенным лексическим значением, но психомеханизм существительного предусматривает внутреннюю инцидентность, в то время как психомеханизм прилагательного требует соотнесения с другим словом как опорой. Характеристика прилагательного как части речи такова, что в языке она лишь прогнозируется, в то время как у существительного она ясна изначально. В случае с прилагательным инцидентность свободна, а в случае с существительным она заранее «конкретизирована», как бы задана в определенных границах в языке. Иными словами, слова, имеющие внешнюю инцидентность, нуждаются в том слове, которое они определяют.

Местоимение обладает инцидентностью 2-й степени. Эта часть речи имеет опосредованное соотношение с категориями пространства, времени и лица, с одной стороны, а с другой — отмечается необходимость соотнесения со словом-опорой. При этом референция, осуществляющаяся при помощи местоимения, носит название индексальной и обладает своими собственными характеристиками.

Будучи транспредикативными, т. е. переступившими границу предикативных частей речи, местоимения уже системно предполагают наличие, как в системе языка, так и в системе речи, какого-то соотносимого элемента, от которого они перенимают его характеристики. Такой тип референции называется анафорическим. Слово, имеющее внешнюю инцидентность 2-й степени, отличается от слова с 1-й степенью инцидентности необходимостью «дополнять» семантику. В случае с инцидентностью 1-й степени, осуществляющейся при помощи прилагательного, имеется прирост информации, при инцидентности 2-й степени отмечается потеря семантической информации. Слова, имеющие инцидентность 2-й степени, предназначены для референции.

Подводя итоги, отметим существенные, с нашей точки зрения, моменты:

1. В теории инцидентности связываются в единый комплекс грамматические категории (в первую очередь основные признаки части речи), семантические особенности данного слова и особенности его актуализации в речи. Таким образом, грамматика, семантика и отчасти прагматика оказываются объединенными в единый «узел».

2. Для осуществления дескриптивной референции необходимо слово с внутренней инцидентностью.

3. Индексальная референция — это тот тип референции, при котором используется слово с внешней инцидентностью. Такое слово ищет опоры в предыдущем (реже последующем) контексте различной протяженности.

Литература

- 1) Аналитическая философия. Под ред. Лебедева М. В., Черныка А. З. — М.: РУДН, 2004. — 740 с.
- 2) Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 881 с.
- 3) Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Пер. с франц. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 222 с.
- 4) Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 683 с.
- 5) Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М.: Высшая школа, 2009. — 367 с.
- 6) Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 492 с.
- 7) Chevalier C. Du pronom, du verbe et du sujet en castillan et en français // DEAF Formation: étude ibériques et ibéro-américaines. Séminaires. — Univ. de Paris III et de Paris VIII, année universitaire 1977-1978, photocopié. — P. 30-58.
- 8) Joly A. Sur le système de la personne // Langues Romanes. 1973. № 1. — P. 3-56.
- 9) Moignet G. Etudes de psychosystématique française. — Paris: Klincksieck, 1974. — 273 p.
- 10) Molho M. Sistemática del verbo español (aspectos, modos, tiempos). — Madrid: Gredos, 1975. — T. 1. — 359 p., T. 2 — 779 p.
- 11) Pottier B. Gramática del español. — Madrid: Alcalá, 1971. — 177 p.
- 12) Tollis F. Étude différentielle de que, quien, cual et cuanti-interrogatifs en espagnol: étude psychomécanique. — Berne: Ed. Peter Lang, S.A., 1988. — 284 p.
- 13) Valin R. Petite introduction à la psychomécanique du langage. — Québec: Les presses de l'Univ. Laval, 1954. — 91 p.

Широко используется субъективная эпистемическая лексика, отражающая знания говорящего о предмете речи, в частности безличные формы, которые отражают модальный оттенок достоверности: *il est vrai, il est très raison, il est certain* и т. д. Другими маркерами субъективности являются модально-вводные слова и выражения, являющиеся верификаторами достоверности и действительности: *peut-être, sans doute, certainement, effectivement*. Слова с признаками персональности в их значении (как с модальными словами, так и без них) подчеркивают персонально-статусную значимость высказывания: *à mon avis, je suis d'avis, pour moi, à mon sens* и т. д.

При реализации тактики самопрезентации автор зачастую использует прием «самоуничижения» или «игру на понижение» своей роли и статуса как адресанта (в терминологии О. С. Иссерс), повышая тем самым статус адресата. Такой прием способствует, на наш взгляд, облегчению коммуникативного взаимодействия. Формы уничижительности находят свое отражение в использовании выражений с заниженной семантической самооценкой. Например, в предисловии «*Scarron au Lecteur*» читаем:

Lecteur, qui ne m'as jamais veu, et qui peut-estre ne t'en soucies guères, à cause qu'il n'y a pas beaucoup à profiter à la veue d'une personne faite comme moy < ... >. Je pense estre obligé en conscience de les (les lecteurs) empescher de mentir plus longtemps (P. Scarron).

Автор намеренно использует заниженную самооценку, что проявляется в используемом выражении с заниженной семантической самооценкой *il n'y a pas beaucoup à profiter à la veue d'une personne faite comme moy*. Реализуя «максимум скромности», авторы стараются не привлекать внимание к собственной персоне и сфокусировать внимание читателя на самом произведении.

Таким образом, стратегия самопрезентации, реализующаяся посредством определенных коммуникативных приемов, является в каком-то смысле самостоятельной коммуникативной задачей, но в то же время тесно связана с другими, в частности с макростратегией, служащей оптимизации прочтения произведения. Авторский дискурс, построенный от первого лица, нацелен на то, чтобы читатель отнесся с доверием к предлагаемому произведению и принял его. Именно в новых паратекстовых жанрах сосредоточено рефлексивное и организационно-деятельностное начало — «артикулированная позиция» писателя (по М. Рацу), направленная на повышение культуры чтения как одной из фундаментальных человеческих практик.

Литература

- 1) Винокур Г. О. Культура чтения // Журналист. 1925. № 4 (20). — С. 20-23.
- 2) Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. — М.: Наука, 2004. — 188 с.

- 3) Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Иркутск: ИГЛУ, 2005. — С. 5-16.
- 4) Рац М. Воспоминания и размышления (новые страницы) // Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сборник / сост. М. В. Рац. — СПб.: Петро, 2005. — С. 111-459.
- 5) Серебрянникова Е. Ф. Способы представления лица личными местоимениями во французском языке: монография. — Иркутск: ИГУ, 1997. — 196 с.
- 6) Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования). — Минск: БГУ, 1973. — 144 с.
- 7) Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI-XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): дис. ... канд. филол. наук: 10.00.05. — Иркутск, 2006. — 209 с.
- 8) Genette G. Seuils. — Paris: Le Seuil, 1987. — 426 p.
- 9) Bonnafous S. Autodésignation // Dictionnaire d'Analyse du Discours. — Paris: Editions du Seuil, 2002. — P. 76.
- 10) Les textes liminaires / sous la dir. de Patrick Marot. — Toulouse: Presse universitaires de Mirail, 2010. — 391 p. (Essais de littérature CRIBLES).

М. С. Воробей (Санкт-Петербург)

ДИФТОНГ *oi* — РЕФЛЕКС ЛАТИНСКОГО *ē* В ОТКРЫТОМ УДАРНОМ СЛОГЕ

КАК ОСОБЕННОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНО-ФРАНЦУЗСКИХ СКРИПТ

*L'article porte sur les caractéristiques graphiques des scriptae centrales médiévales et notamment sur la graphie *oi* comme résultat du *ē* latin dans la syllabe tonique ouverte. L'étude comprend l'analyse de l'Atlas des chartes du XIIIe s. de A. Dees et la comparaison des données avec les graphies des chartes rédigées à Saint-Denis, Orléans, Senlis et Soisson. Grâce à l'application de l'approche scriptologique, l'étude prend en considération le caractère composite des textes médiévaux aussi bien que l'influence d'une scripta à une autre.*

Известно, что в результате второй дифтонгизации латинские гласные *ē* в открытом ударном слоге и *i* под ударением перешли в нисходящий дифтонг [éi]. В современном французском языке дифтонг представлен либо как [e], на письме в виде графемы *e* (SÈPERAT > *sèvre*), диграфа *ai* (CRÈTA > *crète*), либо как [wa] — в виде диграфа *oi* (CRÈDIT > *croit*). Вопрос развития латинского *ē* на протяжении существования истории французского

единых правил написания в Средние века, что известным образом затрудняло работу сcribes. Неустойчивость графики характерна для хартий Орлеана, Санлиса и Суассона. Наряду с преобладающими формами на *hoirs* встречаются формы на *ei*: *heirs* (1291 г., Орлеан), *hairs* (1253 г., Санлис, хартия №178).

Перед носовой согласной для латинской словоформы *AVĒNA* во всех обнаруженных случаях сохраняется консервативное написание с *ei*: *aveine*, *aveinne*, которое фиксирует предшествующий этап развития *oi*. В хартиях Санлиса и Суассона встречаем формы *avaine*, *avainne*. Формы на *ai*, вероятно, передают результат монофтонгизации [ei] как и *e* в *hers* (< *HĒREM).

Какова же региональная принадлежность форм с *ei*, *e* или даже с *ai*? Для Ж.-П. Шово диграфы *oi* и *ei* характерны для текстов Парижа, при этом *ei* ученый называет архаизирующей формой [Chauveau 2012: 108]. Данное утверждение представляется нам не совсем верным. В результате анализа атласа хартий XIII в. А. Дееса и текстов центральнофранцузских хартий мы выявили, что вариативность (*oi* ~ *ei* ~ *e* ~ *ai*) касается только словоформы *HĒREM > *hoir*, в остальных случаях используется только написание через *oi*. Ш.-Т. Госсен называет *eu*, *ei* более ранней чертой западной письменной традиции, *e* — более поздней [Gossen 1972: 7]. В данном случае также необходимо уточнение. Вся западная письменная традиция не может характеризоваться предпочтительным употреблением форм с *ei*, так как из атласа А. Дееса следует, что в нормандских хартиях преобладают формы на *oi*. Вероятно, в данном случае лучше говорить о западном элементе в центральнофранцузских скриптах.

Большой интерес представляют формы с триграфам *eoī*, *oie*, *oue*. Примеры находим в хартиях архивов департамента Уазы: 1 *avoier*, 1 *posseoir*, 2 *tergoier*, 2 *tergoioir*, а также в рукописях Орлеана: 1 *pourseoir*, 1 *foye* и 2 *tergoir*. Данные формы не рассматриваются в атласах А. Дееса, но, несмотря на это, нуждаются в пристальном изучении. Ж.-П. Шово обращает внимание на написание как отдельных графем, так и их окружения. Наличие вариантов написания отражает, с одной стороны, возможность разного произношения результата латинского *ē*, с другой стороны, замешательство сcribes перед записью новой фонемы. В старофранцузский период в языке появляется много долгих гласных. Это связано с оглушением *s* перед согласной, выпадением гласных в зиянии, влиянием последующей согласной, монофтонгизацией. Графема *e* в пост- или в препозиции может указывать на долготу произносимой гласной [Chauveau 2012: 103-115]. Мы разделяем эту точку зрения, так как в хартиях Санлиса и Суассона встречаются словоформы с суффиксом *-eur*: 1 написание *posseeur*, 1 — *anceseur*, 1 — *teneur*, 1 — *vendeur*, 1 — *acheteur*. В хартиях Орлеана также находим написание *-eur*: 1 — *vendeur*, 1 — *procureur*. Можно предположить, что так сcribes фиксировали долгий звук.

Скрипта является сложным образованием и не может быть однородной из-за отсутствия кодифицированной нормы, которой могли бы придерживаться сcribes. Скрипта — это результат нормализаторской деятельности сcribes. Особенностью центрально-французских скрипт XIII в. является фонем *oi* как результат латинского *ē* в открытом ударном слоге, а также фонемный элемент *e*, *ei*, *ai* для словоформы *HĒREM > *hoir* и перед носовой согласной.

Литература

- 1) Бородина М. А. О развитии латинского *ē* под ударением в открытом слоге в старофранцузское *ei* > *oi* // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1959. Т. 212.
- 2) Chauveau J.-P. Graphies médiévales et données dialectales modernes: le graphème parisien <oa> pour <oi> // Études de linguistique gallo-romane. M. Barra Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet, T. Scheer (eds). — P.: Presses Universitaires de Vincennes, 2012.
- 3) Dauzat A. Histoire de la langue française — P.: Payot, 1930.
- 4) Dees A. (avec le concours de P.Th. van Reenen et J.A. de Vries). Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13ème siècle. — Tübingen, 1980.
- 5) Gossen Ch.-Th. Graphème et phonème: problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age // Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Actes et Colloques. — P.: Klincksieck, 1972.
- 6) [1] Электронная база старофранцузских хартий региона Иль-де-Франс. <http://elec.ens.sorbonne.fr/>
- 7) [2] Carolus-Barré L. Les plus anciennes chartes en langue française. T. I: Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux Archives de l'Oise (1241-1286). — P.: Klincksieck, 1964.

А. А. Вяткина (Москва)

ПРОБЛЕМА ЧИТАЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Les facteurs de lisibilité dans un magazine pour les tout-petits font l'objet de cet article ainsi que la question de rapport entre le texte et l'image dans un magazine destiné aux enfants en bas âge.

В статье идет речь о проблемах читабельности французского медийного текста для детей в возрасте от одного года до трех лет. Фактор читабельности

тельности, осуществляющуюся в педагогической сфере и направленную на формирование у обучаемых навыков и умений в предметной области (иностранный язык), которая объективируется посредством речевых действий (стратегий) в тексте как единице общения.

Методическая записка к учебным изданиям в предметной области «иностранный язык» обладает определенной силой воздействия на потенциального адресата и представляет в сжатом виде систематизированную определенным образом дидактически управляющую информацию. В данном случае можно говорить о методической записке как проявлении нехудожественной коммуникации (сюда мы относим и учебно-дидактическую коммуникацию), существенными признаками которой, согласно Н. С. Валгиной [2003: 114] являются следующие:

- 1) наличие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека;
- 2) отсутствие эстетической функции;
- 3) эксплицитность содержания;
- 4) установка на однозначность восприятия;
- 5) установка на отражение реальной действительности.

Функциональные, прежде всего типологически значимые особенности текста, по которым некое дискурсивное образование следует идентифицировать, к примеру, как методическую записку в конкретном дискурсе, позволяют отнести его (текст) к дискурсивному жанру. Главная особенность данного дискурсивного жанра заключается, на наш взгляд, в ориентации на:

- 1) определенную сферу социального взаимодействия;
- 2) взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации;
- 3) диалог.

В дискурсе вербальные формы практики как динамичные образования, оформляющие содержание коммуникации, используются представителями определенной лингвокультурной общности. В нашем случае это педагогическая сфера, в которой конститутивным признаком выступают коммуникативно-прагматические, содержательные и конструктивные категории дискурса, его жанровые особенности.

Итак, в основу вычленения из континуума текстов дискурсивного жанра как важного объекта исследования целесообразно положить сферу жизнедеятельности участников коммуникации и среду, обусловленную экстралингвистическими особенностями (статус общающихся, их культурный и профессиональный уровень, целевая установка, ситуация общения и др.). В нашем случае основанием для выделения жанра методической записки к учебному изданию будет служить сфера педагогического общения как рамочное дискурсивное пространство и комплекс факторов, создающих эту сферу.

Литература

- 1) Афанасьев А. Д. Становление и развитие системы учебного книгоиздания для высшей школы (вторая половина 1950-х — начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 05.25.03. МГУП. — М., 2009. — 47 с.
- 2) Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
- 3) Гальдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: Сб. науч. статей. Вып. 3. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. — С. 5–17.
- 4) Игнатьева Т. Г. Типология старофранцузского текста: монография. — Красноярск: КГУ, 2001. — 201 с.
- 5) Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. — 2-е изд., исп. и доп. — М.: Флинта: Наука, 1998. — 312 с.
- 6) Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Екатеринбург, 2002. — 28 с.
- 7) Семенов Н. Н., Бабенко Н. С. Жанр текста как лингвистическая реальность // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 713 — 722.
- 8) Серио П. Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 549–562.

О. Е. Горбатовская (Санкт-Петербург)

НУМЕРАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСНИ О РОЛАНДЕ

Notre article présente les points de vue de linguistes éminents sur les valeurs de l'article indéfini en ancien français, suivis par les résultats de notre analyse de la Chanson de Roland. Nous avons regroupé les exemples de sorte qu'on puisse relever des conditions de la prédominance d'une des deux valeurs d'après la construction syntaxique ou le sens lexical des composantes du groupe nominal dans l'optique de déterminer des critères objectifs de la définition de la valeur de l'article.

При анализе употреблений неопределенного артикля в старофранцузских текстах, так же как и в современном языке, мы сталкиваемся с проблемой определения статуса форм и их значения. Иногда бывает трудно

Plus qu'en ne poet un bastuncel jeter,/ Devant les altres est en un pui munté (2868); — *Plus qu'om ne lancet une verge pelee,/ Baligant ad ses cumpaignes trespassees* (3323).

Никакая ветка, копьё не смогли бы столько пролететь, эти существительные обозначают своего рода эталоны, с которыми сравниваются действия героев.

Анализ примеров употребления НА показывает, что если для индивидуализирующего значения характерными и в какой-то мере ограничивающими являются скорее синтаксические конструкции (употребление после формул характеристик, в качестве подлежащего, обстоятельства места, при наличии определения-эпитета), то в случае с нумеральным значением на первый план часто выходит лексическая составляющая конструкции (употребление перед словами, обозначающими часть от целого, временной промежуток, денежную единицу, единицу речепроизводства — существительными конкретными и исчисляемыми).

Литература

- 1) Доза А. История французского языка. — М.: Изд. иностр. лит., 1956. — 471 с.
- 2) Катагощина Н. А., Гурычева М. С., Аллендорф К. А. История французского языка. — М.: Высш. шк., 1976. — 319 с.
- 3) Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. — М.: Высш. шк., 2005. — 463 с.
- 4) Bidaud F. L'actualisation par l'article en français // Quaderni della Cattedra di linguistica dell'Univ. di Pisa. Ser monogr. 7. — Pisa: Pacini, 1985. — 110 с.
- 5) Moignet G. Grammaire de l'ancien français. — P.: Ed. Klincksieck, 1984. — 445 с.
- 6) Wagner R.-L. L'ancien français. — P., 1974. — 640 с.
- 7) Les Textes de la Chanson de Roland I (Manuscrit d'Oxford). Éd. Raoul Mortier. — P., 1940. http://www.hs-augsburg.de/~harsch/gallica/Chronologie/11siecle/Roland/rol_ch00.html

О. А. Дубнякова (Москва)

LA NOMINATION DANS LE ROMAN LE BOULEVARD PERIPHERIQUE D'HENRY BAUCHAU

La difficulté de la parole est un phénomène qu'Henry Bauchau découvre comme poète et comme psychanalyste. La langue résiste, mais c'est l'homme qui résiste à la clairvoyance de l'originel. La parole n'est pas capable de révéler ce qu'on vit vraiment, et elle cède sa place dynamique et énergétique au regard et au rêve.

Le regard et les paroles

Dans le roman, le regard semble actif. Stéphane, le meilleur ami de jeunesse du narrateur, héros de courage invincible, aide le narrateur par le regard, quand les deux escaladent les rochers dans les Ardennes. Au moment du vertige du narrateur, c'est en premier lieu le regard de son ami qui le tire de sa faiblesse et lui redonne la force et la sûreté, et seulement en deuxième lieu — la voix: *Je pense: Je vais dévisser. A ce moment je vois son regard, tourné vers moi, pendant qu'il tend un peu la corde pour m'assurer mieux, et j'entends sa voix très calme dire: Je passe, je le rejoins* (BP, p. 11).

Dans la scène de la grotte où le narrateur vit un moment parfait, plus sensible que celui de l'amitié, un moment d'amour envers Stéphane, ce moment est créé par un sourire silencieux entre les personnages, «les yeux rayonnants de gaieté et de sympathie» (BP, p. 25). Le narrateur appelle ce dialogue de regards «un mouvement» (BP, p. 60). En fait, le mouvement c'est quelque chose d'actif, d'énergique, celui qui a subi une force d'initiation, celui qui continue dans le temps et l'espace.

Le nom donné par Bauchau au personnage de Stéphane introduit l'allusion à sa racine grecque *Stephanos*, le premier martyr de la chrétienté, et qui d'après la tradition chrétienne, est à l'origine du culte des saints.

Stéphane parle peu, il préfère rester dans le silence comme un vrai saint chrétien devant la création. Son silence ne cache rien, sa sérénité et transparence d'esprit crée sa liberté avec l'inconscient. Ainsi Stéphane accepte avec calme le fait qu'il n'a pas été aimé. La souffrance de Stéphane — son enfance malheureuse, et la conséquence — la peur de l'eau: «*Pourquoi as-tu peur [de l'eau]?» Je m'attendais pas de réponse, il en a donné une: «Je n'ai pas été aimé»* (BP, p. 163-164).

Issu d'une famille de mineurs de père en fils, Stéphane travaille dans un chantier de déblaiement et passe son temps libre en jouant avec les rochers. Il passe toute la ligne verticale de bas en haut vers l'idéal, vers Dieu. Stéphane est parfois comparé avec le Christ et sa force créatrice quand il escalade ou quand il essaie de s'enfuir de la prison, semble surnaturelle, impossible aux hommes. C'est un idéal, mais il s'agit là de la force intérieure: *Il s'agit là d'un engendrement intérieur, d'une mutation de toute la pensée et de tout le corps qui devraient être très longue* (BP, p. 147-149).

De la même façon simple et tranquille, il accepte en riant (sans bravade, mais avec admiration) le fait que Shadow, l'antipode de Stéphane, ait entravé sa fuite de la prison (BP, p. 149). Enfin il accepte sa seule faiblesse — le non-savoir de nager — devant les soldats allemands, les inconnus, pour finir sa vie librement (BP, p. 249).

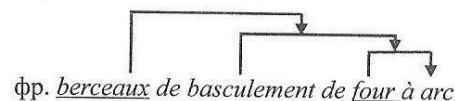
Comme le premier martyr chrétien, Stéphane semble être lapidé par le poids de son antagoniste, Shadow, un terrible SS d'origine russe, assassin du corps de Stéphane, mais pas de sa force intérieure. C'est un autre personnage qui agit par

числа *căricior*, соотносит с последним группу терминологических элементов *unui cupitor cu arc*. В случае соотнесения терминологического элемента *unui cupitor* с существительным женского рода единственного числа *basculare* использовался бы possessive артикль женского рода единственного числа *a*. Из этого следует, что терминологические элементы *căricior* и *basculare* образуют одну именную группу, в которой существительное *basculare*, присоединяясь посредством предлога *de* к существительному *căricior*, выступает по отношению к последнему в роли определяющего. Отграничению определяющих от определяемого *căricior* способствуют также неопределенный артикль мужского рода единственного числа родительного-дательного падежа *unui* в препозиции к существительному *cupitor* и предлог *cu*, соединяющий в одну именную группу существительные *cupitor* и *arc*.

Что касается французского, испанского и итальянского эквивалентов анализируемого румынского ТС, в них, как и в румынском языке, в качестве тема-рематической границы кроме порядка слов используются предлоги (фр. *de*, *à*, исп. *de*, ит. *di*, *ad*) и неопределенный артикль (исп., ит. *un*). Ср.

фр. *berceaux de basculement de four à arc*
 исп. *cunas de basculamiento de un horno de arco*
 ит. *culle di ribaltamento di un forno ad arco*.

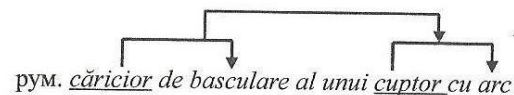
Однако применение указанных синтаксических и аналитико-морфологических средств не снимает двусмысленность в коммуникативном членении ТС. Например, схема зависимостей во французском (в испанском и итальянском аналогично) ТС может быть представлена следующим образом:

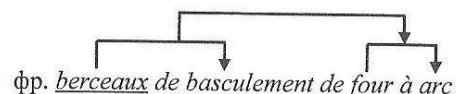
фр. *berceaux de basculement de four à arc*

(зд. стрелкой обозначено движение от темы к реме)

Только коммуникативная схема румынского ТС благодаря использованию possessive артикля *al* дает возможность верно представить коммуникативную организацию других романских языков. Ср. схему зависимостей в румынском и французском ТС (схемы испанского и итальянского ТС аналогичны):

рум. *căricior de basculare al unui cupitor cu arc*

фр. *berceaux de basculement de four à arc*

Анализ структуры румынского ТС позволяет одновременно заключить, что перевод на русский язык выполнен неверно, что подтверждают информанты-специалисты. Ср. правильный перевод: *наклонный сектор печной печи*.

Рассматривая специфику румынского possessive артикля, следует отметить, что он более четко по сравнению с артиклями, а также предложением других романских языков выражает тема-рематические отношения внутри ТС, тем самым позволяет точнее представить иерархические отношения в тезаурусе (модельном представлении терминологической лексико-семантической системы) и, следовательно, построить более корректные фреймы перевода.

Литература

- 1) Зайцева Н. Ю. Различия в коммуникативной организации словосочетаний французского, испанского, итальянского и румынского языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012. № 2. — С. 73-75.
- 2) Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- 3) Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. — М.: Высшая школа, 1977.
- 4) Zaitseva N. Matrix-and-frame Methods as a Means of Structural and Semantic Systematization of Terminological Vocabulary // *International Journal of Translation. A Half-yearly Review of Translation Studies*. 2003. Vol. 15. N 1. P. 91-99.

Н. В. Иванова (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В «ЧУДЕСАХ БОГОМАТЕРИ» ГОНСАЛО ДЕ БЕРСЕО

El artículo tiene por objetivo analizar uno de los rasgos del lenguaje coloquial en la obra del primer poeta castellano cuyo nombre conocemos, Gonzalo de Berceo. La peculiaridad lingüística en cuestión es el uso de los diminutivos (-llo, -uelo) en la colección de poemas bajo la advocación mariana «Milagros de Nuestra Señora». Las formas con diminutivos cuyo uso podemos notar a lo largo de toda la obra estudiada sirven para dar al texto diferentes matices, desde el afectivo hasta el irónico y despectivo (para crear y subrayar la imagen del personaje negativo). El uso de los diminutivos es un recurso importante que emplea el poeta para crear un texto lleno de imágenes casi visuales y bien claras para hacerse entender por el oyente iletrado.

Таким образом, становятся очевидны различные функции форм с диминутивами в поэзии Гонсало де Берсео. Автор использует формы с уменьшительными суффиксами в своем основном значении — уменьшительно-ласкательном, что в ряде случаев позволяет ему реализовывать стилистические возможности этих форм, создавать акценты на тех или иных образах, несущих особое значение для содержания поэмы. С другой стороны, в рассмотренных нами текстах реализуется и противоположное — уничижительное — значение диминутивов, что позволяет автору сформировать образ отрицательного героя и сделать это с использованием средств, характерных для разговорной речи.

Литература

- 1) Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С., Смирнов А. А. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение. — М.: Высшая школа, 1999. — 462 с.
- 2) Плавский З. И. Литература Испании. От зарождения до наших дней. Т. I. IX–XVIII вв. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 511 с.
- 3) Штейн А. Л. История испанской литературы. — М.: Едиториал УРСС, 2001. — 608 с.
- 4) Alonso A. Noción, emoción, acción y fantasía en los diminutivos // Estudios lingüísticos. Temas españoles. — Madrid: Gredos, 1954. — P. 197–228.
- 5) Berceo G. Milagros de Nuestra Señora. — Madrid, Editorial ALBA: 1998. — 128 p.
- 6) Pedraza Jiménez F. B., Rodríguez Cáceres M. Historia esencial de la literatura española e hispanoamericana. — Madrid: EDAF, 2008. — 784 p.
- 7) Ynduráin D. Algunas notas sobre Gonzalo de Berceo y su obra <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/algunas-notas-sobre-gonzalo-de-berceo-y-su-obra/>

Е. А. Ивлиева (Санкт-Петербург)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОГО СПОСОБА КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

La sintaxis tiene como fin el estudio de la estructura de la lengua en cuanto a la combinación de las palabras para formar estructuras. Por tanto, a la hora de estudiar cualquier lengua, tendremos que fijarnos en las estructuras que la componen. No existe duda de que uno de los aspectos esenciales de terminología es la sintaxis. Siguiendo esta concepción y aplicándola a la terminología informática de la lengua española, a nuestro modo de ver, destacan entre sus características esenciales:

1) *La dependencia del inglés, puesto que es en esta lengua en la que se acuñan por primera vez los términos que designan los conceptos de esta actividad específica.*

2) *Desde el punto de vista expresivo y estilístico, existen también características propias, que no deben ser desatendidas al estudiar esta lengua de especialidad.*

Синтаксический способ образования терминов является наиболее продуктивным способом пополнения компьютерной лексики. Важность данного способа терминообразования для науки отмечали многие исследователи [Лотте 1968; Виноградов 2003; Зеликов 2005]. Этот способ заключается в преобразовании обычных свободных словосочетаний в сложные термины путем компрессирования или редукции.

Для испанской компьютерной терминологии характерно использование многокомпонентных терминов. Терминологические словосочетания, состоящие из двух, трех и более терминов, составляют почти половину (47%) от всей лексики. Многокомпонентные термины являются неотъемлемой и функционально значимой составляющей компьютерной терминологии испанского языка. Продуктивность данного способа в компьютерной терминологии объясняется тем, что составные термины имеют семантически прозрачную внутреннюю форму, понятны и систематичны. Вместе с тем составные термины порой отличает разнообразие аналитических моделей образования.

Наиболее простым и в то же время наиболее распространенным видом составных терминов является двухкомпонентное атрибутивное словосочетание, состоящее из основного ядерного элемента, выраженного именем существительным, и атрибутивного определяющего элемента. Наиболее распространенными являются атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции постпозитивного определения.

Структурно формулу такого словосочетания можно представить в виде модели N+Adj — «определяемое и определяющее слово». Как показал компонентный анализ, из двух компонентов такого словосочетания первый является опорным, ядерным. Он указывает на родовой признак понятия, а второй атрибутивный элемент передает отличительный видовой признак понятия. Структура такого термина является мотивированной, отражающей связь данного понятия с другим. Например: *acceso paralelo* — параллельный доступ, *inteligencia artificial* — искусственный интеллект, *máquina virtual* — виртуальная машина. При этом характерной чертой испанского языка является активное употребление предложных моделей N+de+N: *gestión de documentos* — управление документами, *banco de memoria* — банк памяти, *velocidad de reloj* — скорость часов. «Аналитический способ предложной атрибуции является наиболее продуктивным в иберо-романских языках, и в частности в испанском. Ведущая роль при

Литература

- 1) Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. — М., 2003. — 244 с.
- 2) Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. — СПб., 2005. — 448 с.
- 3) Лотте Д. С. Как работать над терминологией: Основы и методы. — М., 1968. — 75 с.
- 4) Alarcón Álvarez E. Diccionario de términos informáticos e Internet. Madrid, 2007. — 416p.
- 5) Pfaffenberger B. Diccionario de términos de computación. — México, Prentice Hall, 1999. — 576 p.

Т. Г. Игнатьева (Красноярск)

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ДИАХРОНИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Dans l'article il s'agit du caractère antropométrique du texte diachronique qui se réalise dans le paradigme «auteur — personnage — lecteur». Le matériel est interprété dans l'approche psychosystématique à l'aide de l'analyse vectoriel. On met en vigueur la spécificité diachronique de chaque membre du triade nommé.

Тезис о том, что специфической чертой художественного текста является его абсолютная антропоцентричность, можно считать общепринятым в современной лингвистике. С полным основанием данный тезис релевантен и по отношению к диахроническому тексту, ибо «то, что говорится о любом тексте, приложимо, в принципе, и к средневековому тексту» [Zumthor 1980: 4].

Литературный художественный текст есть форма бытия фикционного мира, образная модель действительности, создаваемая автором. Это вторичная моделирующая система, один из способов креативного общения. Разделение на креативное и рутинное (естественное) общение мы берём у В. И. Карасика [Карасик 2010: 8-18]. Оно близко нам в силу убеждения в том, что при чтении художественного текста между читателем и автором происходит креативное общение, в нашем понимании это — созидательное, т. е. будоражающее мысль, вызывающее интерес к сюжету, различные ассоциации из индивидуального опыта, формирующее эмоционально-оценочное отношение к прочитанному. При этом не важно, принадлежат ли автор и читатель к одной исторической эпохе или к разным эпохам. Чем больше временной разрыв между участниками акта литературной коммуникации, тем более креативен читаемый текст, поскольку одной из онтологических характери-

стик креативности является открытость. «Креативные тексты открыты для подключения к ним как в момент разговора, так и после. Такое общение способствует появлению комментария» [Карасик 2010: 14].

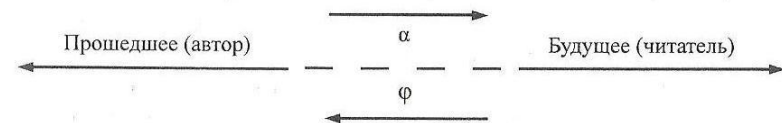
Комментарий понимается нами как интерпретация текста. С одной стороны, она направлена на толкование идей автора, заложенных в тексте. С другой стороны — на выявление ценностных смыслов «для себя, читающего». По аналогии с терминами «перцептуальное время», «эмотивное время» [Тураева 2012: 21] можно было бы назвать этот вид интерпретации перцептуальной, или эмотивной, так как в её основе лежат читательские эмоции, относящиеся к сфере восприятия фикционной действительности читающим индивидуумом. Антропометрическая парадигма художественного текста находит воплощение в трихотомии «автор — персонаж — читатель», все члены которой неразрывно связаны. Требуется особое внимание дихотомии «автор — читатель». Автор и читатель, говоря словами М. М. Бахтина, «слиты с высказыванием», хотя и по-разному. Их «разность» состоит в том, что они «находятся» по разным сторонам текста: автор — до текста, читатель — после текста. С аналитической точки зрения, автор и читатель не являются системами одного и того же временного плана. Автор, его мир, его картина текста составляет по отношению к тексту прошедшее, завершённое, а читатель, его картина текста представляет то, что он станет думать о заложенной автором картине текста. По отношению к тексту читатель — это его будущее. М. Ю. Федосюк говорит в этом случае о «факторе коммуникативного прошлого» и «факторе коммуникативного будущего» [Федосюк 1997: 108]. Сам же текст выступает как материальная данность в настоящем. Он то, что есть сейчас.

Используя методiku векторного анализа, разработанную в теории психосистематики, можно представить соотношение трихотомии «автор — текст — читатель» следующим образом.

Прошедшее (автор)	Настоящее (текст)	Будущее (читатель)
Момент «До»	«До» и «После»	Момент «После»

Абсолютная антропоцентричность художественного текста состоит в интеграции смыслов момента «До» (автор) и момента «После» (читатель).

Схема имеет следующий вид.

Образование текста есть результат встречи между хронотопами α (частица будущего) и φ (частица прошедшего), моментами «До» и «После», т.

«не только такие наиболее типичные структуры, каковыми являются армия или Церковь, но и любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции» [Серио 1999: 29; выделено нами. — А. К.]. Ученый расширяет понимание термина «дипломатия», вводя как необходимый элемент экстралингвистической ситуации дискурсивный термин статус (статус субъекта высказывания и статус адресата). Кроме того, важным представляется акцентирование того, что институциональная дипломатическая деятельность «накладывает ограничения на действие высказывательной функции».

Проведенный семиотический анализ определяет самостоятельность дипломатического дискурса как дискурсивного вида, выявляет его сферу действия и подчеркивает институциональный характер.

Литература

- 1) Дипломатический словарь: в 3 т. Под ред.: Громыко А. А., Ковалев А. Г., Севостьянов П. П. — 4-е изд., доп. и перераб. — М.: Наука, 1984-1986. — 1672 с.
- 2) Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. — М.: Наука, 1964. — 166 с.
- 3) Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Этносемиотика ценностных смыслов. — Иркутск: ИГЛУ, 2008. — С. 8–30.
- 4) Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999. — С. 12–53.
- 5) CNRTL — Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales: portail lexical. conception Etienne Petitjean. — Nancy Cedex, 2011. — <http://www.cnrtl.fr>

Е. Е. Корди (Санкт-Петербург)

ГЛАГОЛЫ СТАНДАРТНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Одно из направлений современной лингвистики и, в частности, романистики находится на стыке лексикологии и грамматики. Оно исходит из того, что лексемы, обладающие близким значением и принадлежащие одной лексико-семантической группе, должны иметь общие синтаксические свойства и сходную сочетаемость. Это положение имеет выходы и в типологию, так как сходство в грамматике подобных лексических групп в значительной мере совпадает во многих языках. В то же время подход с точки зрения типологии

позволяет обнаружить не только сходства, но и различия в способах выражения совпадающих лексических значений и в грамматических свойствах выражающих их лексем. В моем докладе речь пойдет о группе глаголов и глагольных оборотов, которые передают значение стандартного положения тела человека в пространстве и перехода тела в стандартное положение.

Нормальными или стандартными для человека являются положения, обозначаемые русскими глаголами состояния «*сидеть*», «*лежать*», «*стоять*». Переход тела человека в стандартные положения обозначается глаголами действия «*садиться*», «*ложиться*», «*вставать*».

В докладе рассматриваются способы выражения этих значений во французском языке. Эти значения передаются в двух случаях одинаковым способом и в третьем случае — иначе.

В двух случаях значения положения в пространстве и перехода в это положение выражаются формами одних и тех же глаголов. Местоименные глаголы *s'asseoir* садиться и *se coucher* ложиться обозначают переходы тела в стандартное положение (сидеть, лежать), а само это положение обозначается словоформами *être assis* и *être couché*, имеющими грамматическое значение субъектного результата.

Со значением «стоять» дело обстоит сложнее. В этом случае проявляется присущий французскому языку аналитизм. Положение в пространстве «стоять» обозначается глагольно-наречными оборотами *être debout* стоять, *rester debout* оставаться стоять, переход в это положение оборотом *se mettre debout* вставать. Кроме того, существует глагол *se lever* вставать, который в одном из своих значений является синонимом оборота *se mettre debout*.

Употребление этих глаголов и оборотов в разных формах времени, а также их валентности рассматриваются в докладе.

А. В. Кочубей (Санкт-Петербург)

НЕРАВНОСЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ АВЕ(Т), СИТЕ(Т), ПОВРЕТЕ(Т), ПОЕСТЕ(Т) В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Le présent article porte sur le statut grammatical des substantifs ave(t), cite(t), povrete(t) et poeste(t) en ancien français. En histoire du français, ces noms sont traités parfois comme imparisyllabiques, parfois comme parisyllabiques. Notre étude de substantifs susmentionnés ne nous a pas permis de définir leurs paradigmes comme imparisyllabiques, ni de confirmer leur statut imparisyllabique en ancien français.

КП ед. ч.: *Saint Thomas l'arceveske, dunt preecher m'oez,*
En Lundres la cite fu pur veir engendrez,
Des barons de la cit estraiz e alevez (Becket, p. 6)

КП ед. ч.: *Trover cuidames la gent de nostre lin,*
Roi Synagon et Otran et Harpin;
Mes Fierebrace les a toz trois ocis
François nos pristrent as portes de la cit (Orange, p. 72)

Формы *cite* ~ *citet* также не различают падежных значений, из чего мы делаем вывод о том, что они являлись простыми графическими вариантами, например:

ПП ед. ч.: 1664 *Jadis fu la cite mult bone* (BrutA1, p. 91)
Se la cite fust lors assise
ou alumee ou toute esprise (Thebes1, p. 62)

КП ед. ч.: 3375 *Jo m'en irrai en estrange regné,*
3376 E vus irrez a la bone cité (ChGuill, p. 131)

ПП ед. ч.: *Qant la cités fu prise et arse et enbrasee* (Alexandre3, p. 247)
Sobi, le fiz Nâds, de Rabath, ki fud la cited as fiz Amon (RoisC, p. 91)

Формы *povrete* ~ *poverte* ~ *povretez* также взаимозаменяются в различных синтаксических функциях, их также следует рассматривать как графические варианты одного слова, например:

ПП ед. ч.: *Grant honneur point ne convoitoit,*
Sa povreté li souffisoit (Bestiaire, p. 242)
Car povretes est pire que n'est fievre maior (Alexandre4, p. 345)

Интересна трансформация формы *povrete* в форму *poverte*, заключающаяся в переносе ударения с последнего на предпоследний слог и в переходе гласной из опорной [-vге-] в гласную в сильной позиции [-ver-], например:

КП ед. ч.: *Mainte bele richece as donee et offerte;*
Maint gentil chevalier charront hui en poverte
S'iert mainte bele dame par povreté coverte (Alexandre4, p. 339)

КП ед. ч.: 3509 *Ne restoration de sa perte*
3510 Par dreit busuin e par poverte (BrutA1, p. 189)
5766 Fors chou qu'il ot a faisselles porter
5767 De chou se vit assés a povreté (MoniageG2, p. 325)

Данная форма, безусловно, подтверждает и демонстрирует возможность поэтических трансформаций слов без ущерба для их значения. В прозаических текстах и деловых документах встречается только графическая форма *povrete*.

Словоформы *poeste* ~ *poestet* ~ *poestiez* не следует считать неравносложными. Данный вывод мы делаем, опираясь на их употребление, и рассматриваем их как простые графические варианты, например:

КП ед. ч.: 477 *Par poestet serez pris e liez,*

478 *Menet serez dreit ad Ais le siet* (Roland, p. 56)
O moi venez en la cité,

assaillons les par poesté (Thebes2, p. 117)

2376 *Ne demorer ne te tardier!*

2377 *Met l'ampire an ta poesté* (BrutP, p. 101)

ПП ед. ч.: *Car que que li hum penst, fieble est sa poestez,*
Deus abat les puissances e les feluns pensez (Becket, p. 57)

Uns rois de Babilone, grans est sa poestés,

Tout le mont a conquis par ses tres grans fiertés (Alexandre3, p. 310)

КП ед. ч.: 6981 *...ne vi nul home de si grandes postés*

6982 *comme tu iés, ne si bien acesmés* (MoniageR, p. 260)

Таким образом, проведенный анализ подтверждает точку зрения тех исследователей, которые не относят существительные *abe(t)*, *cite(t)*, *poeste(t)* и *povrete(t)* к неравносложным именам. Кроме того, мы обнаружили модифицированные словоформы *cit* и *poverte*, которые являются специфическими формами поэтического текста в старофранцузском языке.

Литература

- 1) Armstrong E. C. The Medieval French Roman d'Alexandre: 6 vol. T. II. Version of Alexandre de Paris. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1937.
- 2) Arnold I. Wace. Le Roman de Brut: 2 vol. — P.: Soc. des anc. textes fr., 1938-1940.
- 3) Bertin G. A. Le Moniage Rainouart I: publ. d'après les mss. de l'Arsenal et de Boulogne. — P.: A. & J. Picard, 1973.
- 4) Cloetta W. Les deux rédactions en vers du Moniage Guillaume: chansons de geste du XIIe siècle, publ. d'après tous les mss. Connus. 2 vol. — P.: F. Didot, 1906.
- 5) Crist L. Beaudouin de Sebourc: 2 vol. — P.; Abbeville: F. Paillart, 2002.
- 6) Curtius E. R. Li quatre Livre des Reis: die Bücher Samuelis und der Könige in einer fr. Bearb. des 12. Jh. nach der ältesten Hs. unter Benutzung der neu aufgefundenen Hs. kritisch hrsg. — Halle a.d. Saale: M. Niemeyer, 1925.
- 7) Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècles composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés: 10 vol. — P.: F. Vieweg; E. Bouillon, 1881-1902.
- 8) Greimas A. J. Grand dictionnaire: Ancien français: La langue du Moyen Âge de 1080 à 1350. — P.: Larousse, 2007.
- 9) Mattiacci A. Le Bestiaire marial tiré du Rosarius (Paris, ms. B.N., fr.12483). — Ottawa, 1999. — URL: <http://www.lfa.uottawa.ca/tel.html>
- 10) McMillan D. La Chanson de Guillaume: 2 vol. — P.: A. & J. Picard, 1949-1950.
- 11) Moignet G. La Chanson de Roland: texte établi d'après le ms. d'Oxford. — 2e éd., rev. et corr. — P.: Bordas, 1971.
- 12) Raynaud de Lage G. Le Roman de Thèbes: 2 vol. — P.: H. Champion, 1966-1968.
- 13) Régnier C. La Prise d'Orange: chanson de geste de la fin du XIIe siècle. — 7e éd. — P.: Klincksieck, 1986.

- 11) Rohou J. Le XVIIe siècle, une révolution de la condition humaine.- Paris: Editions du Seuil, 2002. — 670 p.
- 12) Roland à Saragosse / publ. par Mario Roques. — Paris: Champion, 1956. — 64 p.
- 13) Le Trésor de la Langue Française informatisé. Sous la direction de J.-M. Pierrel. — Nancy-Université. — URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm

А. Е. Лукина (Санкт-Петербург)

ПОНЯТИЯ «ВАРИАТИВНОСТЬ», «ВАРИАНТНОСТЬ» И «ДИАСИСТЕМА» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

La variation est un des problèmes actuels de la linguistique. Les approches de la variation linguistique sont multiples et diverses. La variation peut se définir prioritairement en fonction des groupes d'usagers (variation diachronique, variation diatopique, variation diastratique) ou en fonction de l'usage (variation diaphasique, situationnelle, stylistique) et du support (écrit ou oral). Tous ces types de la variation sont des composants du diasystème. Les analyses linguistiques peuvent porter sur un ou plusieurs registres (par exemple, le registre soutenu, le registre standard, le registre familier) et concerner tous les niveaux de la langue (phonique, morphologique, lexical, syntaxique). L'étude de la variation linguistique doit porter sur le système et le diasystème des langues.

Явление вариативности традиционно в лингвистике рассматривается как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования единиц языка, представленное на всех языковых уровнях, т. е. наблюдается своего рода простая констатация факта наличия вариантных, конкурирующих форм в системе языка. При этом отметим, что каждый исследователь при изучении явления вариативности также дает свое собственное определение данного явления в зависимости от того, какой аспект, уровень или срез языка он подвергает анализу.

В связи с этим существует множество определений понятия вариативности и классификаций вариантов, представленных на различных уровнях языковой системы. Безусловно, следует отдать должное работам отечественных лингвистов по русскому языку (Л. К. Граудина, К. С. Горбачевич, Н. Ф. Молчанова, Р. П. Рогожникова), по германским языкам (А. И. Домашнев, Н. Н. Семенюк, В. Н. Ярцева), по романским языкам (Г. В. Степанов, А. В. Широкова), в которых наиболее основательно изучено явление вариативности в синхронии, разработаны различные классификации грамматических и

семантических вариантов, определены критерии их выделения, а также рассмотрены разные формы существования языка (варианты, говоры, диалекты).

В отечественных исследованиях мы встречаем использование двух терминов «вариативность» и «вариантность». Так, Л. К. Граудина, К. С. Горбачевич употребляют термин «вариантность», понимая под ним не только порождение неустойчивости языковых форм, но также естественное состояние языка как конкретно-исторического явления [Граудина 1980], [Горбачевич 1989]. В. М. Русановский, в свою очередь, использует термин «вариативность» и связывает его с понятием нормы и диахронии [Русановский 1970]. А. А. Дербилов последовательно разграничивает понятия «вариантность» и «вариативность» по двум направлениям: первое он относит к языку и определяет вариантность как форму существования лингвистической единицы в системе языка, а второе — к речи и соответственно рассматривает вариативность как способ реализации единиц языка в речи. Помимо этого он также выделяет «варьирование» как общее свойство языковой системы, характеризующее явление в целом. Так, по словам А. А. Дербилова, следует различать «парадигматическое варьирование» («вариантность») и «синтагматическое варьирование» («вариативность») [Дербилов 1986: 32-33].

В свою очередь, В. М. Солнцев не различает понятий «вариантность» и «вариативность» — для него это синонимы. Он считает, что в лингвистике понятие вариативности используется двояко. Во-первых, как характеристика всякой языковой изменчивости, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений; во-вторых, понятие вариативности используется как характеристика способа существования и функционирования единиц в синхронии [Языкознание 2000: 80-81].

Л. М. Скредина использует термин «вариантность» и связывает его с грамматической синонимией. Под грамматической синонимией Л. М. Скредина понимает существование в языке глубинной и поверхностной структур, имеющих свои характеристики, что воплощается в языковом знаке в виде означаемого (значения) / означающего (выражения) [Скредина 1987]. В силу неравномерности развития происходит разрыв между данными двумя сторонами, в результате чего значение получает несколько возможных вариантов форм (выражений).

Наконец, Г. В. Степанов прибегает к термину «вариативность» и раскрывает его как проявление процесса эволюции и ее результатов, с одной стороны, и с другой — как тот материальный субстрат, который служит основой направленных изменений в развивающемся обществе [Степанов 1979: 289].

Таким образом, мы видим, что ученые последовательно не дифференцируют данные два термина и, с одной стороны, рассматривают «вариативность» / «вариантность» как явление, характеризующее всякую изменчивость / эволюцию языковых форм, с другой — как способ существования

единицы и как взаимодействуют сосуществующие фонетические, грамматические, лексические системы — составляющие такого явления, как диасистема.

Наш материал (французские рукописи XIII-XIV вв.) позволяет продемонстрировать, что на сегодняшний день существует большое количество вопросов, связанных со статусом и ролью вариантных форм языковых единиц. Например, в ходе анализа фонетико-графических вариантов, под которыми мы понимаем грамматически и лексически тождественные формы, но при этом различающиеся графически и, возможно, фонетически, мы ставим следующий вопрос: о каком виде или видах вариативности идет речь: диатопической / диахронической / диамезической?

c / ch — глагол *chanter* (петь): *chanter / canter*; *acheter* (покупать): *acater / achater / acheter*; *lacateroie / lachaterai / lacheterai / lacheteroie*; глагол *courroucer* (гневить): *courechies / corouciez / courousies*.

Объяснение вариативности данных глагольных форм мы можем найти в анализе пикардской письменной традиции, где использование как франсийских (написание через «ch»), так и пикардских форм (написание через «c») свидетельствует, с одной стороны, об ориентации на франсийскую норму при написании, с другой — о влиянии базового пикардского диалекта. Следовательно, мы наблюдаем сосуществование трех видов вариативности: влияние диалекта (диатопическая), процесс палатализации, имевший место во франсийском диалекте и отсутствовавший в пикардском диалекте (диахроническая), выбор между письменной традицией и диалектом (диамезическая). Однако открытыми остаются вопросы, связанные с тем, как разделить данные виды вариативности, существует ли закономерность в их появлении и использовании в тексте (письменной форме речи говорящего / пишущего), наконец, систематизация представленных типов вариативности позволит определить возможные причины, которые обуславливали выбор вариантных форм языковых единиц, и описать различные вариативные системы (фонетические, морфологические, лексические), входящие в состав диасистемы носителя языка.

Таким образом, изучение вариативности языковых форм в истории французского языка с использованием нового понятия «диасистемы» способствует решению основных теоретических вопросов, связанных с систематизацией и классификацией вариантов языковых форм, а также изучением сосуществующих вариативных систем, компонентов диасистемы.

Литература

- 1) Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. — Вып. 6. Языковые контакты. — М., 1972. — с. 25-60.
- 2) Дербилов Л. Н. Просодический тип полинационального литературного языка и нормы его реализации в национальных вариантах // Нормы реализации языковых

средств: межвуз. сб. науч. тр. Горьков. гос. пед. ин-та им. М. Горького. Отв. ред. Р. Р. Каспранский. — Горький, 1986. — С. 28-34.

- 3) Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1989. — 208 с.
- 4) Граудина, Л.К. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. — М.: Наука, 1980. — 280 с.
- 5) Русановский В. М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // Вопр. языкознания. 1970. № 4. — С. 54-68.
- 6) Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. — М.: Наука, 1979. — 327 с.
- 7) Скредина Л. М. Грамматическая синонимия: учеб. пособие к спецкурсу. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1987. — 84 с.
- 8) Языкознание: большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — 688 с.
- 9) Gadet F. La variation plus qu'une écumé // Langue française. 1997. № 115. — P. 5-18.
- 10) Labov W. Quantitative Analysis of Linguistic Variation / Quantitative Analyse sprachlicher Variation // Sociolinguistics. An International Handbook of the science of Language and Society / Soziolinguistik. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. — Berlin, New York. — 2004. — P. 6-21.
- 11) Völker H. La linguistique variationnelle et la perspective intralinguistique // Revue de linguistique romane. Publiée par la société de linguistique romane. 2009. T. 73. — P. 27-76.

Е. И. Маркова (Белгород)

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ВРАЧЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ИХ РУКОПИСНЫЕ ТРУДЫ

Cet article traite du rôle des médecins du Moyen Age et de leur impact sur la propagation des connaissances médicales et l'élévation du niveau culturel de la population.

Что заботит современного человека в первую очередь? Думаю, не ошибусь, если скажу, что собственное здоровье и здоровье близких является одним из главных поводов для беспокойства, а потому человечество постоянно ищет пути и способы сохранения здоровья, продления жизни и сохранения молодости. Мы привыкли думать, что в так называемые «времена мрачного Средневековья» люди очень мало заботились о сохранении здоровья и поддержании тела и организма в чистоте и порядке. Это суждение ошибочно.

вья, будучи весьма уважаемыми и влиятельными людьми, проделали огромную работу по распространению медицинских знаний и повышению общего уровня медицинской грамотности.

Литература

- 1) Laborde A. de. Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg: 2 vol. — Paris: [S. n.], 1938. — Partie 1. — 90 p., XL pl.
- 2) Wickersheimer E. «Le Régime de santé de Guido Parato, phisicien du duc de Milan» // Bulletin de la Société française d'Histoire de la médecine. — 1913. — Т. 12. — P. 82–95.

Р. М. Мильковская (Санкт-Петербург)

УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛОТАРИНГСКИХ ХАРТИЯХ XIII ВЕКА

Cet article présente l'analyse de formes de pronoms démonstratifs et de cas de leur emploi dans les chartes lorraines du XIII siècle, exécutées dans deux scriptoriaux épiscopaux et deux chancelleries privées. Les résultats de l'analyse sont présentés en comparaison avec les données de l'Atlas de A. Dees. Nous mettons l'accent sur la forme du pronom démonstratif du masculin pluriel 'ceux' qui évoque le plus grand intérêt à cause de sa graphie.

На сегодняшний день лотарингские скрипты являются малоизученными. В отечественной лингвистике существует работа М. А. Бородиной, посвященная лотарингскому диалекту в рамках других диалектов французского языка, однако материал приводится по состоянию языка на рубеже XX в. Среди зарубежных исследований также ведется изучение в основном современных лотарингских говоров, которые начинаются с работы Оберлина в 1775 г. и продолжают до наших дней. Следует отметить исследование Ш.-Т. Госсена, изучавшего лотарингские хартии 1255-1260 гг. [Госсен 1962].

Нами был проведен анализ употребления форм указательных местоимений в лотарингских хартиях XIII в., изданных в рамках проекта *les Plus anciens documents linguistiques de la France*, выполненного под руководством М.-Д. Глсгена (www.mediaevistik.uzh.ch). Изучались хартии, созданные в четырех редакциях: две из них — церковные скриптории (*scriptorium episcopal de Toul* и *scriptorium episcopal de Metz*), и две — частные канцелярии

(*chancellerie de duc de Lorraine* и *chancellerie de comte de Bar*). На основании проведенного анализа нами были составлены таблицы форм указательных местоимений, употребленных в данных хартиях.

1. *Scriptorium episcopal de Toul*

число	род, падеж	М.р.%	Ж.р.%	Ср.р.%	число	род, падеж	М.р.%	Ж.р.%
Ед. ч	ПП	<i>cil</i>		<i>ce 66,6</i> <i>ceu 20</i> <i>cei 6,7</i> <i>se 6,7</i>	Ед. ч	ПП	<i>cist</i>	<i>ceste</i>
	КП	<i>celu</i>		<i>ceu 63,2</i> <i>ce 36,8</i>		КП	<i>cest 85,7</i> <i>ce 14,3</i>	<i>ceste</i>
Мн. ч	ПП	<i>cil</i>	<i>celi</i>		Мн. ч	ПП		<i>ces 81,8</i> <i>cez 18,2</i>
	КП	<i>ceaus 44,5</i> <i>ceauls 11,1</i> <i>seuz 11,1</i> <i>ceas 11,1</i> <i>ceus 11,1</i> <i>seus 11,1</i>				КП		<i>ces 85,3</i> <i>ses 11,8</i> <i>cez 2,9</i>

2. *Scriptorium episcopal de Metz*

число	род, падеж	М.р.%	Ж.р.%	Ср.р.%	число	род, падеж	М.р.%	Ж.р.%
Ед. ч	ПП	<i>cil</i>	<i>celle 40</i> <i>cele 40</i> <i>cille 20</i>	<i>ce 90,3</i> <i>ceu 6,5</i> <i>se 3,2</i>	Ед. ч	ПП		<i>ceste 80</i> <i>seste 20</i>
	КП	<i>cil 38,8</i> <i>celui 44,4</i> <i>celu 5,6</i> <i>celi 5,6</i> <i>cel 5,6</i>	<i>cele</i>	<i>ce 63,6</i> <i>ceu 34,5</i> <i>se 1,8</i>		КП	<i>cest 44,5</i> <i>cist 22,2</i> <i>cet 11,1</i> <i>cestu 11,1</i> <i>ce 11,1</i>	<i>ceste 96</i> <i>ciste 4</i>
Мн. ч	ПП	<i>cil</i>			Мн. ч	ПП	<i>ces</i>	<i>ces</i>
	КП	<i>ces 23,5</i> <i>saus 23,5</i> <i>ceus 17,6</i> <i>ceaus 11,8</i> <i>cels 5,9</i> <i>celz 5,9</i> <i>sauz 5,9</i> <i>souz 5,9</i>	<i>celles 67</i> <i>celes 33</i>			КП	<i>ces</i>	<i>ces 95,1</i> <i>cez 4,9</i>

графа из Бар — форма ж. р. ед. ч. КП *chette*. Чередование *-et-*: *-est-* в формах указательных местоимений муж. и ж. р. соотносится как 1,75% к 98,25%. В нашем анализе результаты незначительно отличаются: 3,9% к 96,1%. Чередование форм на *i-* и без *i-* представлены как 0,59% к 99,6%. Отметим, что при нашем анализе не было встречено ни одной формы на *i-*. Чередование форм *cest, cel, cestui, celui: cist, cil* указательных местоимений муж. р. ед. ч. ПП соотносится как 1,4% к 98,60%. Наш результат: 2,6% к 97,4%. Чередование форм *cis, cils: cist, cil* указательных местоимений ПП муж. р. ед. ч. — 4,25% к 95,75%. По результатам нашего анализа формы *cis, cils* отмечены всего один раз в хартиях из канцелярии графа из Бар, в остальных документах встречаются только *cist, cil*, то есть 5,3% к 94,7%. Чередование форм *ce: cest, cel, cestui, celui* указательных местоимений КП муж. р. ед. ч. — 1% к 99%. Данные результаты не совпадают с нашими: 8% к 92%. Результаты анализа чередования форм *celi: celui* указательных местоимений муж. р. ед. ч. представлены как 1,25% к 98,75% и незначительно расходятся с нашими: 3% к 97%. Чередование форм *ceus, cez, ces: cist, cil* указательных местоимений ПП муж. р. мн. ч. соотносится как 4,17% к 95,83%. По результатам нашего анализа: 11,5% к 88,5%. Чередование форм указательного местоимения “*ceux*” на *-es(-ez, -eis)* и *-(e, i)au-, -(e)o-, -eu-, -el-* в атласе А. Дееса — 10,34% к 89,66%. Тогда как по результатам нашего анализа соотношение такое: 7,8% к 92,2%. Чередование форм “*ceux*” с *-el-, -eu- и -(e, i)a-, -(e)o* — 25,96% к 74,04%, у нас же совершенно иное соотношение: 49,2% к 50,8%. Чередование форм “*ceux*” с *-(e)o- и -(e, i)a-* у А. Дееса — 10,68% к 89,32%, у нас: 3% к 97%. Чередование форм “*ceux*” с *-c(h)a-, -c(h)o- и -c(h)ea-, -c(h)ia-, -c(h)eo-*: 12,82% к 87,18%. В нашем анализе: 24,3% к 75,7%. Чередование форм “*ceux*” с *-c(h)ia- и -c(h)ea-*: 3,12% к 96,88%, у нас иначе: 22,2% к 77,8%. Чередование форм “*ceux*” с *-as (-ais, -az)* и *-aus, -als*: 8,57% к 91,43%, абсолютно совпадающие с нашим результатом. Чередование форм “*ceux*” с *-l- и -u-, -ul-*: 15,96% к 84,04%, тогда как у нас совершенно противоположный результат: 75% к 25%. Формы указательных местоимений ж. р. КП ед. ч. *cesti, cestei, celi, celei: ceste, cele* 0% к 100% у А. Дееса, что подтверждается и в нашем исследовании. Чередование форм указательного местоимения *cestes, celes: ces (cez)* ж. р. мн. ч. соотносится как 1,86% к 98,14%, у нас сходные результаты: 2,5% к 97,5%. Таким образом, большинство соотношений чередования форм в нашем исследовании совпадает с данными атласа А. Дееса, однако есть и значительные несоответствия.

Как видим, в атласе А. Дееса форме указательного местоимения муж. р. мн. ч. *ceux* уделяется значительное внимание, поскольку существует очень большое количество вариантов написания данного местоимения в различных хартиях, в том числе и в наших. При выборочном анализе 265 различных лотарингских хартий было выявлено 25 графических вариантов

написания данного слова. Причем в тексте одной рукописи могут сосуществовать сразу несколько графических вариантов. Л. А. Становая указывает, что это свидетельствует о «взаимпроникновении и взаимовлиянии разных письменных традиций» [Становая 1996: 51]. Ш.-Т. Госсен считал, что графические варианты одного слова связаны не с разным произношением, а с тем, что по мере развития языка графема перестает соответствовать фонеме. Таким образом, различные написания слова не свидетельствуют о разном произношении, свойственном тому или иному диалекту [Gossen 1968: 150].

Передача на письме данного местоимения вызывала возникновение множества графических вариантов во всех скриптах. Отмеченные нами формы по способам передачи можно условно разделить на такие группы:

- 1) передача дифтонга с помощью простой графемы: *ces, cez, cex*;
- 2) наличие этимологического *-l-*: *cels, celz, celx, ceulz, ceauls, cialz, calz*;
- 3) отсутствие палатализации [k]: *cals, caux*;
- 4) произнесение графемы *o* как [ou]: *ceos*;
- 5) вариативное употребление графем *s/c*: *sous, souz, sauz, seaus, seus, seuz*;
- 6) вариативное употребление графем *s/z/x*: *ces, ceuz, celx*.

Такую графическую вариативность можно объяснить, с одной стороны, внешним влиянием различных скрипт и диалектов, принадлежности сcribes к той или иной школе, соблюдавшей свои традиции написания, а с другой стороны — субъективными физиологическими особенностями восприятия человеком звуков и поиском способов их передачи при отсутствии единой языковой нормы.

Литература

- 1) Становая Л. А. Введение в скриптологию. — СПб., 1996.
- 2) Становая Л. А. Что отражают лотарингские рукописи XIII в.? // Вопросы романского и общего языкознания: сб. научн. трудов к 50-летию кафедры романской филологии РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб.: РГПУ, 1998. — С. 106-116.
- 3) Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle. — Tubingen, 1980.
- 4) Gleßgen M. D., Monfrin J. et al. Plus anciens documents linguistiques de la France // Édition électronique des chartes françaises du XIIIe siècle. www.mediaevistik.uzh.ch/doeling/corpus.php
- 5) Gossen Ch.-Th. De l'histoire des langues écrites régionales du domaine d'oïl. La scripta des chartes picardes. Explications de quelques spécimens de scripta lorraine, picarde et normande // Revue de Linguistique Romane. 1962. T. 26. № 103/104. — P. 271-308.
- 6) Gossen Ch.-Th. L'interprétation des graphèmes et la phonétique historique de la langue française // Travaux de Linguistique et de Litterature Romanes. 1968. T. 6. № 1. — P. 149-168.